

УДК 821.161

Раковская Н. М.

кандидат филологических наук, доцент
зав. кафедры мировой литературы
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24/26, 65058, г. Одесса, Украина.
rakovskaya2009@mail.ru

**К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ «АВТОРСКИЕ МИРЫ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

В статье актуализируются различные подходы к определению категории «авторские миры». Авторские миры связываются с понятием текста как «гетерокосмоса». Указывается, что А. Баумгартен и В. Дильтей трактовали «авторские миры» как «сотворённую реальность». Однако «авторские миры» немыслимы только в рамках воображения. Поэтому, чтобы осмыслить указанное понятие, литературоведы привлекают в качестве объекта не только художественный текст, но и комментарии, автокомментарии, учитывая авторский психотип, тип авторской эмоциональности и т.д. Предполагается, что именно эти факторы учитывал М. Бахтин, размышляя о художественном мире произведения как эстетическом объекте.

Указывается на возможные соотношения между типами культур и конкретным художественным текстом, акцентируется проблема авторского сознания, авторского мышления как комплекса философских, эстетических, поэтических вопросов в совокупности. Обращается внимание на концепцию, согласно которой текст является «вдвинутым» в некоторую внетекстовую структуру, самый абстрактный уровень которой можно определить как миромоделирование.

В связи с указанными тенденциями в гуманитарном дискурсе предполагается, что множественность решений проблемы находится в области постижения «авторских миров» в эстетическом аспекте и исследования форм их репрезентации в тексте.

Утверждается, что «авторские миры» это, прежде всего, мир чувствований, переживаний, мир видения и создания художественной реальности. Авторское сознание организует миры произведений, их множественные коды. Доминантой при этом является духовность автора, что свидетельствует о его связи с трансцендентным. Понимание текста как художественной реальности содержит в себе определённый взгляд на мироздание. Именно онтолого-гносеологический, аксиологический и антропологический аспекты способствуют включению читателя в миры художника.

Делается вывод, что исследование разных уровней «авторских миров» позволяет выявить приоритеты ментального, этноментального, религиозно-философского компонентов, а также внешних и внутритекстовых границ, находящихся воплощение в альтернативных вариантах мироустройства, построения новых миров-концептов.

Ключевые слова: авторские миры, художественный текст, авторское сознание, миромоделирование, дискурс, художественная реальность.

В современной постмодернистской культурной ситуации перед литературоведами возникает необходимость поиска новых подходов к анализу художественного текста или переосмыслению предшествующих. Появляется научный словарь, ориентированный на познание связи литературоведения с гуманитарными и другими науками (см. В. Луков). В этом аспекте может быть актуализирована проблема интерпретации понятия «авторские миры» в художественном тексте. Данная категория согласуется с терминами «автор», «авторство», но при этом имеет своё особое значение. Как нам представляется, следует использовать это понятие в том случае, когда художественный мир текста раскрывается в его множественности и неоднозначности на уровне микротекстов, которые могут объединяться вокруг одного целого или рассеиваться по тексту, приобретая свои условные границы. Более того, возникает возможность выявить механизмы взаимодействия элементов, составляющих коммуникативный акт в тексте. Авторские миры могут интерпретироваться и как игра смыслов, их взаимообусловленность и взаимодействие, где значительная роль отводится структурно-семиотическим характеристикам, способствующим восприятию «творчества как результата и творчества как процесса» одновременно.

Заметим, что «теоцентрическая» модель авторства была подвержена сомнению ещё русскими формалистами (В. Шкловский, Ю. Тынянов), которые весьма критически относились к концепции авторской «гегемонии». Очевидно, что для них была важна, прежде всего, акцентуация на «шкале приёмов» поэтического мастерства. Такое же отношение к формам авторской субъективности в тексте отличало и работы пражских структуралистов. Исследования М. Бахтина [3], Ю. Лотмана [6], Р. Барта [2] (при всём их различии) способствовали пониманию того, что «авторские миры» нельзя рассматривать как единичное проявление авторской воли, либо как метафизическую абстракцию. Дальнейшие работы литературоведов подтверждали мысль о том, что в пределах текста существует множественность кодов, которые Р. Барт определил как герменевтический, символический, проайретический, референциальный, что свидетельствует о возможности рассмотрения авторских кодов в свете структурной поэтики. Более того, необходимо учитывать их ярко выраженную «коннотативную природу» (Р. Барт). Неслучайно авторские миры трактуются англоамериканскими «новокритиками», как миры разнообразных истин, прозрачных смыслов, телеологических построений, что в значительной степени наделяет текст (через читателя) «оживлением процесса письма».

В современном литературоведении достигнуты значимые результаты, касающиеся изучения поэтики художественного текста, художественного мира текста, моделирование типов текста и т.д. Однако заметим, что XXI век позволяет рассматривать художественный мир текстов прошедших эпох как определённый

ный системный макроцикл. И здесь важно, как нам представляется, установить корреляцию между обобщающими стратегиями анализа (скажем, на уровне типологического, компаративного, семиотического методов исследований) и более частными методами, позволяющими определить угол зрения на поставленную проблему, выявить особенности диалога между авторскими мирами, идеями и формами времени. В этом плане особое значение приобретают работы, авторы которых исследуют культурно-исторические эпохи, типы литературно-художественного сознания, осмысливают современные стратегии письма и стратегии прочтения литературно-критического текста (С. Аверинцев, А. Михайлов, Е. Черноиваненко [11], А. Степанова [10]). В таком аспекте авторские миры целесообразно рассматривать сквозь призму: культурно-исторических эпох, типов литературы, моделей мировидения и т.д.

Отмечая значимые изменения в гуманитарном дискурсе, укажем, что идёт процесс не только переосмысления различных концепций, но и трансформация, деконструкция, декодировка ряда понятий, имеющих принципиальное значение для понимания истории литературы. С нашей точки зрения, указанная тенденция связана: во-первых, с повышенным вниманием к эпистемологии; во-вторых, с необходимостью внедрения не только новых аналитических практик, но и понятий, терминов, им соответствующих; в-третьих, с определённой дистанцированностью мышления и сознания читателя от объекта, каковым является литература от Средневековья до эпохи постмодерна. Проблема состоит не столько в переводе художественного текста из одного культурного кода в другой, сколько в том, чтобы дать возможность его осмыслить сегодня, используя различные гуманитарные стратегии. В этом аспекте важной является аналитика художественной литературы предшествующих эпох с позиции «внеаходимости» (М. Бахтин), то есть системно, целостно и, прежде всего, объективно «используя значимый теоретический инструментарий» (Н. Лейдерман). Вместе с тем заметим, что природа гуманитарного знания такова, что иногда крайне непросто найти критерии, позволяющие измерить точность теоретических понятий. Так, например, нам трудно согласиться с точкой зрения С. Зенкина[5], о том, что критическая рефлексия является равнозначной теории литературы, при этом, история литературы не учитывается, либо с точкой зрения П. Иванишина, который рассматривает художественный текст как явление, ориентированное только на ментальные процессы и т.д. Но, каковы бы ни были концепции литературоведов, по-прежнему главная задача заключается в определении сопричастности к тексту, интерпретации его в пространственной и временной культурной перспективе. На точке пересечения двух указанных измерений и возникает тот универсум, где текст обретает свою историю. В таком случае творчество писателя понимается как процесс, связующий автора с читателями. В этом плане оказывается важным, как и в какой степени, история вторгается в декодировку текста, становясь посредницей между автором и его аудиторией, скажем, в XVIII или XIX веке, какова связь автора с современной

ему культурой, что представляет собой текст как сообщение и акт коммуникации.

Одновременно возникает необходимость объяснить сущность самого понятия «авторские миры», его связь с представлением об амбивалентном присутствии автора в тексте, с художественным миром текста и т.п. В решении этих проблем учитываются как точки зрения мировой литературоведческой и философской мысли (Р. Барт, Г. Гадамер, П. Рикёр, М. Фуко), так и значимые работы М. Бахтина [3], Ю. Лотмана [6, 7], В. Тюпы, В. Топорова и др. Важным является появление современных работ украинских литературоведов Н. Астрахан, В. Наривской, О. Корниенко, Н. Сподарец, которые рассматривают различные аспекты поставленной нами проблемы. Справедлива точка зрения литературоведа В. Мусий [8], отмечающей: «Категория «авторский мир» в литературоведении принадлежит к числу наименее разработанных. Основная трудность обозначения её содержания обусловлена тем, что понимание человека, а, тем самым, и автора, не было одинаковым на протяжении развития культуры». Данное суждение имеет и прямое отношение к категории «авторские миры».

Ряд исследователей (В. Хализев, Л. Чернец) справедливо рассматривают данную проблему в двух аспектах: эстетическом измерении и текстообразующем. В. Хализев полагает, что авторский мир связан с образом мира и входит в общую концепцию произведения. Литературное произведение, с точки зрения исследователя, можно интерпретировать как особого рода обращённый к читателю монолог автора. Эти монологи органически связаны с тем, что Ю. Лотман назвал «автокоммуникацией», в основе которой лежит ситуация «Я – Я». При этом автор неизменно выражает своё отношение к позициям, установкам ценностной организации создаваемого мира «Я – ОН». Л. Чернец предлагает заменить данное понятие термином автоинтерпретация, ввести знаки-заместители: автор-творец, автор-концепция, автор-знак. С субъектом изображения связывает авторский мир Н. Тамарченко. В связи с постановкой проблемы о модусах художественности и дискурсными формациями в литературе – В. Тюпа указывает на то, что любое произведение обладает той или иной эстетической модальностью, связывая модус художественного сознания, прежде всего, с субъективной стороной мира произведения, типами авторской эмоциональности, и соответствующими установками читателя. Здесь явно прослеживается близость к бахтинской концепции автора и героя в эстетической деятельности, а также с эстетическими категориями, которые определяются учёным как архитектурные формы содержания, как осуществляемые авторами архитектурные задания (типы завершения эстетического целого). В. Тюпа также полагает, что различные модусы художественности – суть стратегии творческого «ощельнения», порождающего специфический художественный смысл целого. Поле этого смысла предполагает актуализацию авторской позиции и «актуализируемую текстом» установку читательского восприятия, внутренне единую систему ценностей и соответствующую ей поэтику, организацию

времени и пространства, систему миров, «голосов», знаков, ритмико-интонационный строй текста. Возникает «Я в мире как средоточие художественного смысла» (М. Бахтин[3]). В этом же плане интересна и формулировка Р. Уэллека и О. Уорена о связи авторского мира с художественной реальностью и её реализацией в знаковой системе и формах воплощения речевых субъектов.

Как известно, ещё в XVIII веке А. Баумгартен определил авторский мир как «гетерокосмос». В. Дильтей рассматривал авторский мир как «сотворённую реальность». Однако авторские миры немислимы только лишь в рамках воображения. Поэтому, чтобы осмыслить указанное понятие, литературоведы привлекают в качестве объекта не только художественный текст, но и комментарии и автокомментарии, авторский психотип, тип авторской эмоциональности и т.д. Возможно, именно эти факторы учитывал М. Бахтин, размышляя об авторском «мироощущении» и мире произведения как эстетическом объекте (т.е. художественном).

Укажем также и на то, что Е. Фарина рассматривал творческий процесс как постижение, анализ, осмысление фиксируемого мира, полагая, что основными уровнями любого художественного текста являются миры автора и их структурная организация. Согласимся и с точкой зрения К. Аймермахера о том, что уровень созданного в произведении мира по отношению к внешнему миру является его моделью. Ю. Лотман утверждал, что любой автор строит модель по структуре своего мировидения и мироощущения. Неслучайно учёный подчёркивал, что всякий текст «вдвинут» в некоторую внетекстовую структуру, самый абстрактный уровень которой можно определить как миромоделирование. Размышляя о возможных соотношениях типа культуры и конкретного художественного текста, исследователь делает акцент на проблеме целостного восприятия художественных миров и модели культуры как комплекса философских, эстетических, антропологических, поэтикальных вопросов в совокупности. Как известно, на аксиологических ориентирах и мировоззренческой доминанте при анализе мировидения автора акцентирует внимание Н. Тамарченко, имея ввиду, взаимозависимость между авторским миром и воспринимающим сознанием.

На наш взгляд, в этом же контексте важна концепция Е. Черноиваненко о типах литературы, которые трактуются литературоведом в парадигме смен религиозно-риторического, светско-риторического и эстетического типов художественно-литературного сознания. Таким образом, в современном литературоведении актуализируются проблемы художественных миров в их органической связи с развитием литературного процесса и культуры в целом. Как нам представляется, возникает необходимость формирования такой теоретико-литературной концепции, согласно которой авторские миры, авторское сознание будут рассматриваться как определённая система, включающая в себя параллели между автором как реальной личностью и автором как текстуальной стратегией, активной функцией читателя.

Заметим, что значительный интерес вызвала полемика вокруг работы Р. Барта «Смерть автора». Ряд литературоведов принципиально были не согласны со стремлением Р. Барта модернизировать категории автора и авторства. Р. Барт актуализировал проблему категориального замещения классического авторства в постструктурализме, с которой можно было бы связать имманентное самораскрытие смыслов текста. В его статьях содержатся рефлексии по поводу необходимости преодоления в постмодернистской теории и практике постулата классической философии, связывающей результаты деятельности с конкретным субъектом. Р. Барт указывает на исчерпанность концепта традиционного авторства и автора. Речь идёт о его статьях «От произведения к тексту», «S/Z», «Сад, Фурье, Лойола», «Удовольствие от текста». Критик создаёт языковые парадигмы, представляющие некую смысловую систему. В статье «Что случилось с г-ном Вольдемаром» применены системные аналитические процедуры, без всякого содержательного объяснения. Вместе с тем было очевидно, что решение этой проблемы не было однозначным в концепции Р. Барта. В разные периоды своей деятельности (увлечение структурализмом, постструктурализмом) Р. Барт неоднократно указывал, что он не возражает против классического авторства; особенно интересно эта идея развивалась им в «биографических сочинениях». В то же самое время критик осознавал отличительные особенности постмодернистского текста, задача которого была принципиально иная, чем в классической эстетике. Бартовская теория напоминала концептуальные размышления М. Фуко, который полагал, что невозможно отыскать субъекта, который «вдыхает жизнь в пустые формы языка». Стремясь убрать всякую персонализацию, критик актуализирует категорию интертекстуальности как источник дополнительного смыслового поля. Заметим, что совершенно иным путём шла Ю. Кристева, избравшая для своей концепции психоаналитические процедуры. Весьма любопытны её размышления о «материнском инстинкте», проявляющемся в мелодичности ритма и рифмы текста.

Переменчивые суждения Р. Барта напоминали некую бесконечно актуализированную игру, где жизнь, произведение и текст оспаривали влияние друг на друга. Неслучайно Ш. Берг указывал, что, несмотря на новизну исследовательской техники, стремление увидеть литературоведческие процессы только сквозь призму структурно-семиотических характеристик сложно, поскольку происходит замена значения классического автора на функции скриптора, смешивающего литературные коды. Вместе с тем в целом в зарубежном литературоведении (см. С. Зюнтор, П. Шульц, Ш. Берг) бартовская рефлексия не подвергалась сомнению. В частности, была принята терминология, различающая термины «произведение» – «текст». В произведении, указывал Р. Барт, есть мир готовых истин, прозрачных смыслов, стабильных отношений, принадлежащих их классическому автору, а текст наделён свойством через читателя постоянно улавливать смыслы культурных кодов, имманентную игру их оттенков. В таком случае, с одной стороны, сохраняются и нарративные структуры текста, с

другой – демонструється техніка текстуального аналізу з допомогою мережних гнізд-лекцій, постійно змішуваних коди письма, в частині, семний і референціальний. Замітимо, що М. Бахтін[3], в цілому ряду своїх робіт звертався до проблеми діалогічного і монологічного автора. Однак він не відчував необхідності в провозглашенні «смерті автора» і замість цього позначив більш глибоке розуміння авторської ролі, орієнтуючись на можливість структури тексту: «Коли авторську волю можна відчути не стільки як певне сверх-реальне початок, пророкує дух, але скоріше як один з голосів, созвучний іншим текстовим голосам, що виходить через розповідача до автора-творця, який перебуває в центрі, що виникає на перетині всередині-текстових меж». Неслучайно саме на цю концепцію частіше за все орієнтуються сучасні дослідники (С. Зенкі[5], н. В. Тюпа, Н. Астрахан). Таким чином, можна стверджувати, що множественність літературознавчих підходів до розв'язання проблеми слід сгрупувати по двом напрямкам: досягнення авторських світів в естетичному вимірі і дослідження форм їх репрезентації в тексті. Як справедливо відзначає Н. Малютіна, – «комунікативно-рецептивні, когнітивні, антропологічні, феноменологічні, структурно-сеmiotичні, герменевтичні і інші категорії утворюють, стимулюють і організують сучасне наукове мислення в літературі». В частині, об цьому свідчать роботи Т. Пахаревої, А. Степанової [10], Н. Сподарець [9], і др. Вчені вказують на необхідність дослідження поетології культури і поетології художественних текстів з точки зору типів художественного свідомості. Так, Н. Сподарець пише: «В кожній культурно-історичній епохі домінує певний тип творчого свідомості, який виробляється в системі притягання-оталкування по відношенню до аксіологічних показників попередніх епох». Підкреслимо, що визначення ролі читача, як зв'язуючого ланки між «авторськими світами» в тексті, а також його смислообразуючої функції визначаються в літературознавстві пріоритети рецептивної естетики (див. роботи Р. Гром'як, М. Гирняк, М. Лановик). В цьому аспекті особливу роль належить ігровим ситуаціям і подіям (О. Корнієнко). В сукупності відзначених аспектів можна прийти до передбачуваних висновків про те, що авторські світи – це, перш за все, 1) світ відчуттів, 2) переживань, 3) світ бачення і створення художественної реальності на різних рівнях літературно-художественного свідомості і в різних культурно-історичних епохах. Саме авторська суб'єктивність і рефлексія організує світи тексту і їх різноманітні структурні ознаки. Домінантою при цьому є духовність автора, що свідчить про його зв'язок з трансцендентним. Саме тому художественний текст є не тільки літературним феноменом, але і феноменом культурно-історичного типу. Розуміння тексту як художественної реальності містить в собі певний погляд на світосприймання (онтолого-гносеологічний і антропологічний аспекти способ-

ствують включенню читателя в мири художника). В цьому плані важними okazуються концепції Н. Данилевського (теорія культурно-історических типів), Г. Гачева (космо-психо-логосов), Н. Лосського (мир як органіческе бытие), культурологические интуиции О. Шпенглера, «личная философия» М. Хайдеггера, учение о бытии как потенциальном единстве духовной жизни, учение об истине как живом, множественном, «всеединстве всего» (В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков и др.). Авторские миры в таком аспекте характеризуются трактовкой мироздания как живого начала, признанием во Вселенной и человеке абсолютного существования бога, способностью ко «всемирной отзывчивости» (Ф. Достоевский), исканием цельности бытия. А. Гагаев справедливо отмечает, что писатели как XIX, так и XX в. тяготеют к восприятию мира и человека как множеств целого: «Они есть собор разных миров и разных космических миров, разных людей, микрокосмов. Более того всякий из людей есть множество миров, множество душ, но есть образ множественности Бога и мира. И в этом его – человека – смысл и способ бытия, способ поиска им своего абсолюта».

Предметом исследования авторских миров в художественном тексте являются такие реалии и понятия как мировидение и мирочувствование художника, историко-культурная реальность, дуально-личностное прочтение художественного текста. Формы воплощения авторских миров как духовного в тексте, безусловно, связаны с развитием культурно-исторических эпох и типами литературно-художественного сознания.

Учитывая, что особая роль при исследовании «авторских миров» принадлежит духовной составляющей и художественный текст является не только литературным феноменом, но и феноменом культурно-исторического типа, активное введение понятия «авторские миры» является не только целесообразным, но и необходимым в постмодернистской ситуации.

Выделим ещё один аспект. Бесспорно, что уже в античном искусстве проявляется индивидуально-авторское начало, о чём свидетельствует древнегреческая лирика. Но в литературе XVIII в. авторская индивидуальность скована канонической системой жанров и стилей. В эту эпоху авторские миры являются традиционалистскими, ориентированными на риторичу и нормативную поэтику. Авторское начало, его открытость миру наиболее ярко проявляет себя в XIX в. Согласно концепции литературоведа А. Слюсаря, именно в эту эпоху возникает в литературе интерес к индивидуальности, зарождается и развивается художественность. Е. Черноиваненко определяет данный тип литературы как «эстетический». В эстетическом типе литературы «главной ипостасью литературного произведения становится не текст, а порождённый текстом художественный мир». В свою очередь, указывает учёный, «это приводит к изменению природы слова, стиля, жанра в литературе, к расширению прав автора как творческой индивидуальности, к изменению взаимоотношений литературы и действительности». В эпоху художественной модальности искусство, в

частности, литература, становится «эстетическим выражением» впечатлений и эмоций автора, которая, подвергаясь, по мнению Кроче, «эстетизации», «творчески преобразуется в процессе и результате её выражения».

В конце XX – начале XXI в. в литературоведении наблюдается очевидная близость таких понятий как «авторские миры», модели мира, ибо осмысление концептов *судьба, человек, душа* соотносится с кодом памяти, истории, эпохи, культуры и выражается в знаковой системе антропоцентрических понятий, в связи с чем Р. Барт определяет дополнительные коды авторских миров: культурный, хронологический, акциональный. Д. Перкинс связывает коды литературы с «историческим контекстуализмом». В данном аспекте для нас важна и точка зрения Ю. Лотмана, указывающего, что «автор строит модель мира по структуре своего мировидения, своего детерминированного «я». Использование термина «модель» в лотмановской традиции, выстраивание типологических рядов авторских миров в контексте культурно-исторических эпох, на наш взгляд, способствует осмыслению развития и движения литературы как целостной саморазвивающейся системы. Более того, учитывая, что каждый новый этап развития литературы является продвижением в глубины памяти, художественные тексты создаются во времени и пространстве, И. Хольтхузен замечает, что во всех авторских моделях есть своя топология, своё членение пространства; в связи с чем возникают понятия: карнавальный, праздничный, безумный, обнажённый и иные миры. В постмодерной ситуации у художника на подсознательном уровне возникает необходимость создать свою модель мира, в которой обнажаются вопросы мировой судьбы, роковой судьбы человечества (И. Хольтхузен). В этом плане структурная система разнообразных моделей мира позволяет выявить внутренние связи между текстами мировой сюжетно-мотивной организации, фольклорно-мифологической, архетипической составляющих авторские миры и т.д. Ряд исследователей справедливо отмечают, что в основе современных поисков разнообразных моделей мира лежит и система бинарных оппозиций. Бинарные оппозиции, создаваемые автором, приводят к созданию знаковых систем, знаковые системы кодируют те архетипические представления, с которых начинается и завершается создание авторских миров. Типологические ряды дают возможность понять, как в текстах мировой литературы представлен мир, на какой тип культуры он ориентирован (патриархальный, книжно-элитарный, теоцентрический), какая система ценностных ориентаций в них представлена.

Исследование различных уровней «авторских миров» позволяет выявить приоритеты ментального, этноментального, религиозно-философского начал, находящихся воплощение в альтернативных вариантах мироустройства, построении новых миров-концептов.

Завершая данный экскурс в проблему, заметим, что речь идёт только о некоторых возможных вариантах её решения, каждый из которых требует дальнейшего строго логического развития и научного поиска.

Список использованной литературы

1. Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / [за ред. М. Зубрицької] – Л. : Літопис, 2012. – 634 с.
2. Барт Р. Нулевая степень письма ; [пер. с фр.] / Р. Барта. – М. : Академический проект, 2008. – 431 с.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – Т. 1. [зав. ред. С. Г. Бочаров]. – М. : Языки славянских культур, 2003. – С. 67–263.
4. Гром'як Р. Т. Літературознавчий словник-довідник / [за ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка]. – К. : Академія, 2007. – 752 с.
5. Зенкин С. Образ, рассказ и смерть (Жорж Батай и Ролан Барт) / С. Зенкин. – НЛЮ. – 2013. – № 123. – С. 15–44.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – С. 12–148.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – С. 150–390.
8. Мусий В. Б. К вопросу о содержании категории «авторский мир» в новой и новейшей литературе / В. Б. Мусий // Авторские миры в художественном тексте. Стратегии анализа. – Одесса : Астропринт, 2014. – С. 48–78.
9. Сподарец Н. В. Модернизм Серебряного века: литературоведческая идентификация / Н. В. Сподарец. – Одесса : Астропринт, 2017. – 452 с.
10. Степанова А. А. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920-1930 х гг. : поэтология фаустовской культуры / А. А. Степанова. – СПб. : Алетейя, 2015. – 496 с.
11. Черноиваненко Е. М. Литературный процесс в историко-культурном контексте : Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI–XX веков / Е. М. Черноиваненко. – Одесса : Маяк, 1997. – 712 с.

Раковська Н. М.

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
кафедра світової літератури
rakovskaya2009@mail.ru

ДО ПИТАННЯ ПРО КАТЕГОРІЮ «АВТОРСЬКІ СВІТИ» В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ

У статті розглядаються різнобічні підходи до визначення категорії «авторські світи». Авторські світи пов'язуються з поняттям «гетерокосмос». Зазначається, що А. Баумгартен та В. Дільтей трактували авторські світи як «створену реальність». Однак авторські світи є неможливими лише в рамках уяви. Тому, щоб осмислити зазначене поняття, літературознавці залучають в якості об'єкта не тільки художній текст, але й коментарі й автокоментарі, враховуючи авторський психотип, тип авторської емоційності і т. ін. Припускається, що саме ці чинники враховував М. Бахтін, міркуючи про художній світ твору як естетичний об'єкт.

Вказується на можливі співвідношення між типами культур та конкретним художнім текстом, акцентується проблема авторської свідомості, авторсь-

кого мислення як комплексу філософських, естетичних, поетикальних питань у сукупності. Звертається увага на концепцію, згідно якої текст є «всунутим» в певну позатекстову структуру, найбільш абстрактний рівень якої можна визначити як світомоделювання.

У зв'язку з відзначеними тенденціями в гуманітарному дискурсі припускається, що множинність рішень проблеми знаходиться у площині досягнення авторських світів в естетичному вимірі та дослідження форм їх репрезентування в тексті.

Стверджується, що авторські світи це, насамперед, світ відчуттів, переживань, світ бачення та створення художньої реальності. Авторська свідомість організує світи творів, їх множинні коди. Домінантою при цьому є духовність автора, що свідчить про його зв'язок із трансцендентним. Розуміння тексту як художньої реальності містить у собі певний погляд на світобудову. Саме онтолого-гносеологічний, аксіологічний та антропологічний аспекти сприяють включенню читача у світи митця.

Робиться висновок, що дослідження різних рівнів авторських світів дозволяє виявити пріоритети ментального, етноментального, релігійно-філософського компонентів, а також зовнішніх та внутрітекстових меж, що знаходять втілення в альтернативних варіантах світоустрою, побудови нових світів-концептів.

Ключові слова: *авторські світи, художній текст, авторське мислення, світомоделювання, дискурс, художня реальність.*

Rakovskaya N. M.

Odessa I. I. Mechnikov National University,
Department of World Literature
rakovskaya2009@meil.ru

TO A QUESTION OF CATEGORY OF “AUTHOR'S WORLDS” IN THE ART TEXT

The article deals with various approaches to the definition of the «author's worlds» category. Author's worlds are associated with the notion of "heterocosmos". It is indicated that A. Baumgarten and V. Dilthey treated the author's worlds as "the created reality". However, the author's worlds are inconceivable only within imagination. Therefore, in order to comprehend the indicated concept, literary critics attract not only the artistic text as an object, but also comments and autocompositions as well, taking into account the author's psychotype, the type of author's emotionality, etc. It is supposed that these factors were considered by M. Bakhtin, reflecting on the artistic world of the work as an esthetic object.

It is specified possible relations between types of cultures and the concrete art text, the problem of author's consciousness, author's thinking as complex of philosophical, esthetic, poetic issues in total is emphasized. The attention is drawn to the concept

that the text is "embedded" into some non-textual structure, the most abstract level of which can be defined as world modeling.

Due to the above-mentioned tendencies in humanitarian discourse, it is assumed that the plurality of solutions to the problem lie in the realm of comprehension of the author's worlds in the aesthetic aspect and the study of the forms of their representation in the text. First of all, it is claimed that the author's worlds are the world of feelings, experiences, the world of vision and the creation of artistic reality. The author's consciousness organizes the worlds of works, their multiple codes. The dominant here is the spirituality of the author, which testifies to his connection with the transcendental one. The understanding of the text as art reality comprises a certain view of the universe. It is the ontological-gnosiological, axiological and anthropological aspects that contribute to the inclusion of the reader in the world of the artist. The conclusion is that the study of different levels of author worlds allows us to identify the priorities of mental, ethnological, religious and philosophical components, as well as the external and interstellar borders, which are embodied in alternative variants of world order, the construction of new world-concepts.

Key words: *author's worlds, art text, author's consciousness, modeling of the world, discourse, art reality.*

References

1. Antologija svitovoi literaturno-kritichnoi dumki XX st. [Anthology of world literary and critical opinion of the XX century] (2012), [editor-in-chief M. Zubric'ka], Litopys, Lviv, Ukraine.
2. Bart, R. (2008), Nulevaja stepen' pis'ma [Zero degree of the letter], Akademicheskij proekt, Moscow, Russia.
3. Bahtin, M. M. (2003), Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti [The author and the hero in esthetic activity], Jazyki slavjanskih kul'tur, Moscow, Russia, vol. 1, pp. 67–263.
4. Grom'jak, R. T. (2007), Literaturoznavchij slovník-dovidnik [Literary dictionary reference], Akademija, Kiev, Ukraine.
5. Zenkin, S. (2013), "Image, story and death (Georges Bataille and Rolan Bart)", NLO, vjl. 123, pp. 15–44.
6. Lotman, Ju. M. (2004), "Culture and explosion", Semiosfera, Iskusstvo – SPB, St. Petersburg, Russia, pp. 12–148.
7. Lotman, Ju. M. (2004), "In the conceiving worlds", Semiosfera, Iskusstvo – SPB, St. Petersburg, Russia, pp. 150–390.
8. Musij, V. B. (2014), "To a question of the content of category "author's world" in new and latest literature", Collected monograph Avtorskie miry v hudozhestvennom tekste. Strategii analiza, Astroprint, Odessa, Ukraine, pp. 48–78.
9. Spodarec, N. V. (2017), Modernizm Serebrjanogo veka: literaturovedcheskaja identifikacija [Modernism of the Silver age: literary identification], Astroprint, Odessa, Ukraine.
10. Stepanova, A. A. (2015), «Zakat Evropy» Osval'da Shpenglera i literaturnyj process 1920-1930-h gg. : pojetologija faustovskoj kul'tury ["Decline of Europe" of Oswald Spengler and literary process of the 1920-1930th: poetologiya of Faustian culture], Aletejja, St. Petersburg, Russia.
11. Chernovanenko, E. M. (1997), Literaturnyj process v istoriko-kul'turnom kontekste: Razvitie i smena tipov literatury i hudozhestvenno-literaturnogo soznaniya v russkoj slovesnosti XI–XX vekov [Literary process in a historical and cultural context: Development and change of types of literature and art and literary consciousness in the Russian literature of the 11-20th centuries], Majak, Odessa, Ukraine.

Статтю подано до редколегії 10 вересня 2018 р